

20. Попов, Б. А. Еще о войне: автобиографический очерк одного из пяти миллионов / Б. А. Попов. – Минск: Энциклопедикс, 2015. – 182 с.

21. Воспоминания бывшего военнопленного Н. А. Краева // Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны. – Инв. № 67585.

22. Сайт: «Обобщенный банк данных «Мемориал» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: obd-memorial.ru. – Дата доступа: 02.02.2020.

(Дата подачи: 17.02.2020 г.)

А. В. Мякинская

Белорусский государственный университет информатики
и радиоэлектроники, Минск

A. V. Miakinskaya

Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk

УДК 321.61(44): 7.072(47+57)

ФРАНЦУЗСКАЯ АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХИЯ: СОВЕТСКИЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ 1940-Х – НАЧАЛА 1990-Х ГГ.

FRENCH ABSOLUTE MONARCHY: SOVIET DISCURSIVE PRACTICES OF THE 1940^S – EARLY 1990^S

В статье рассматривается трактовка французской абсолютной монархии в советской историографии 1940-х – начала 1990-х гг. На основе дискурсивного подхода раскрыта известная преемственность оценок русской либеральной и советской историографии.

Ключевые слова: советская историография; дискурс; абсолютная монархия; абсолютизм; «места памяти»; коллективная память; преемственность.

The article deals with the interpretation of the French absolute monarchy in Soviet historiography of the 1940s – early 1990s. Based on the discursive approach, the well-known continuity of assessments of Russian liberal and Soviet historiography is revealed.

Keywords: Soviet historiography; discourse; absolute monarchy; absolutism; places of memory; collective memory; continuity.

Французский историк Пьер Нора в конце 1970-х гг. предложил грандиозную программу изучения «Мест памяти». Участниками этой программы стали ведущие историки Франции. Они предложили описать историю символических объектов, с которыми связывается этническая идентичность французов. Критерием отбора становились воспоминания и ценности. Иными словами, «команда» П. Нора решила критически проанализировать образ прошлого, который сохранился в исторической памяти современных им французов [1]. В многотомном исследовании авторы опирались на концепцию коллективной памяти французского социолога М. Хальбвакса, который обосновал существование феномена коллективной памяти, полагая

что память не индивидуальный процесс и ее функционирование определяется обществом.

Такой конструктивный подход, т. е. деление господствующих в обществе взглядов о своем прошлом на «историю» и «память», представляется полезным при изучении проблемы французского абсолютизма в послевоенной советской историографии.

Российское франковедение имеет давние традиции изучения феномена французской абсолютной монархии. Представители «русской школы», изучая историю государственных институтов старого порядка, задумывались об исторических судьбах России: повторит она путь Западной Европы или избежит. Современные российские историки пришли к выводу, что советская историография кардинально не пересмотрела дореволюционную концепцию абсолютизма, номенклатура тем и сюжетов осталась прежней (преобладала социальная проблематика) [2, с. 73–74]. Советских историков, так же, как и их предшественников, интересовали вопросы происхождения абсолютизма, основных этапов развития, классовой природы, исторической функции, типологии французской абсолютной монархии, но ответы на них были другие.

С середины 1930-х гг. для советских историков, изучающих новую историю, стали нормативными следующие идеологические установки государственной власти: 1) феодализм в своей периодизации прошел стадии зарождения, развития и разложения; 2) абсолютистское государство отождествляется с разложением феодализма и должно называться «абсолютистско-феодальным порядком»; 3) историческая наука должна стать наукой о производителях материальных благ [3, с. 13].

Отсюда вытекало, что абсолютизм является комплексной социально-политической системой, представляющей централизованную форму феодального государства и возникающей при зарождении капиталистических отношений, сопровождающейся обострением классовых противоречий (между дворянством в союзе с буржуазией и крестьянскими и плебейскими массами). Центральная власть, играя на противоречиях, усиливается за счет ослабления феодальной аристократии и отчасти финансовой эксплуатации буржуазии, а также угнетения народных масс. При равновесии дворянства и буржуазии государство приобретало самостоятельность, оставаясь дворянским, и защищало интересы дворян от революционирующей буржуазии. Во французском абсолютизме выделяют два этапа: прогрессивный, когда абсолютная монархия борется с феодальным сепаратизмом в союзе с буржуазией и частью дворянства; и реакционный, когда становится препятствием в развитии капитализма.

Б. Ф. Поршнев, оставаясь в границах советского марксистского дискурса, предложил иную трактовку абсолютизма, разойдясь с современной ему историографией в оценке роли борьбы народных масс. В своей моногра-

фии «Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648 гг.)» [4], удостоенной в 1950 г. Сталинской премии воссоздал картину непрерывной череды народных восстаний. Советский ученый открыл для французов, что их XVII век переполнен классовой борьбой, с чем невозможно было не считаться противникам марксизма и особенно во французской историографии. В связи с этим 20–40-е гг. XVII в. получили название «*le temps porschnevien*» [5, с. 183].

С точки зрения Б. Ф. Поршнева, крестьянские и плебейские восстания XVII века консолидировали королевскую власть, дворянство и буржуазию. Дворянство и буржуазия узрели в абсолютизме своего защитника от народного гнева. Появление абсолютизма стало ответом на обострение классовой борьбы на последнем этапе существования французского феодализма. По мнению историка, абсолютизм, будучи дворянской формой государства, в условиях постоянных народных движений был заинтересован в союзе с буржуазией, рекрутируя из нее кадры государственной бюрократии [6].

Исследователь объявил, что движущей силой истории является сила народных масс, трансформирующая общество. Если бы в XVII в. буржуазия объединилась с народной революцией, то их союз мог бы стать угрозой дворянской монархии. Однако союза не получилось, т. к. буржуазия во время Фронды предала интересы крестьянства и плебейства, испугавшись антифеодальных движений. В XVIII в. произошел разрыв союза дворянской монархии с буржуазией. Буржуазия объединилась с народом в третье сословие, возглавила революцию и победила, обретя тем самым классовое господство [7].

На рубеже 1940–50-х гг. научная позиция Б. Ф. Поршнева вызвала острую полемику [8]. Защищая свою идею, историк высказал мнение о том, что источником всех общественных изменений, включая появление абсолютизма, является классовая борьба, т. е. всякое изменение формы государства шло снизу через классовую борьбу народных масс. Предложенная историком трактовка французской абсолютной монархии строилась по большей части на цитатах из классиков марксизма, опираясь, отчасти, на исторический материал и стала базой для конструирования синтетических универсальных концепций.

Противоположная точка зрения принадлежит академику С. Д. Сказкину, который основывается на положениях марксистского дискурса о феодальном государстве как форме политического господства класса феодалов, главной функцией которого является подавление классового сопротивления крестьянства. Концепция историка рассматривает абсолютизм как политическую надстройку, периода разложения феодальной формации. С. Д. Сказкин, не отрицая фактов усиления классовых выступлений крестьянства в период позднего феодализма, видел главную возможность возникновения французской абсолютной монархии в ярко выраженном классовом анта-

гонизме между нарождающейся буржуазией и феодальным дворянством, вследствие чего государственная власть получила определенную самостоятельность по отношению к обоим классам [9].

В. В. Бирюкович в очерке политической истории Франции, написанном совместно с О. Л. Вайнштейном, предложил еще одну концепцию абсолютизма во Франции. По мнению этого автора, становление абсолютизма связано с социальными изменениями, которые начались на рубеже XV–XVI вв. Так, третье сословие трансформируется в класс буржуазии. Королевские чиновники и городской патрициат были в основной своей массе выходцами из буржуазной среды. Обе группировки феодализировались, перераспределяя земельные владения дворянства и крестьян в свою собственность, приобретая дворянские звания, объединили в своих руках все звенья бюрократического аппарата. Они стали сторонниками централизации государства. И если политическое влияние и богатство «людей мантии», буржуазных по происхождению росли, то родовитого дворянства («людей шпаги») уменьшались. «Люди шпаги» колебались между королевской властью и аристократией, пока кардинал Ришелье не сломил их сопротивление, «привязав» к трону. В эпоху Людовика XIV политическая оппозиция абсолютизму ликвидируется: абсолютизм опирается на весь феодальный класс («люди мантии») сформировали управляющую страной бюрократию, а феодальная аристократия в качестве компенсации за потерю власти получила придворные и церковные sinecures). В XVIII в. на арену классовых битв выходит новая буржуазия, которая совершит революцию [10].

Значительным явлением в советском франковедении стали работы А. Д. Люблинской. Исследовательница исходит из тезиса о том, что во Франции XVI–XVII вв. идет становление абсолютизма. На фоне консолидации и формирования французского этноса, автор впервые в марксистском дискурсе описала особенности и основные формы генезиса буржуазного строя во Франции.

В ряде монографий А. Д. Люблинская изложила свою концепцию развития Франции в XVI–XVII вв., в основе которого лежал процесс первоначального накопления капитала [11]. Этот процесс во Франции шел медленнее, чем в Англии, и не привел к массовому обезземеливанию крестьянства, однако содействовал становлению капитализма. Замедление темпов развития капитализма в сельском хозяйстве во Франции автор связывала со слабостью капитализма в промышленности и торговле, которые обусловила специфика мануфактурного этапа.

В монографии «Французский абсолютизм в первой трети XVII в.» А. Д. Люблинская подвергла критическому анализу концепцию «кризиса капитализма» в XVII в., выдвинутую в западной историографии [12, с. 6–89].

Исследовательница, рассматривая эпоху первоначального накопления, по-новому взглянула на социально-политическую эволюцию, особенности

структуры французского общества, обеспечившие укрепление абсолютизма и расстановку политических сил. Основной проблемой, по ее мнению, здесь была классовая сущность «дворянства мантии», которое становилось классом землевладельцев, а заняв высшие административные должности в государственном аппарате, сделалось частью правящего класса. Новое, чиновно-землевладельческое дворянство стало социальной опорой абсолютизма и основой равновесия классовых сил крепнущей буржуазии и дворянства. В работах А. Д. Люблинской под новым углом поставлен вопрос об особенностях социальной трансформации во Франции XVI–XVII вв.

Послевоенная советская историография Французской революции характеризовала французскую абсолютную монархию историографическими стереотипами, созданными сочинениями историков «русской школы». В качестве примера можно обратиться к обобщающим работам известных в советской историографии авторов, специалистов по эпохе Французской революции, написанных А. З. Манфредом и В. Г. Ревуненковым.

А. З. Манфред, характеризуя французский абсолютизм, пишет о неограниченной самодержавной власти короля, полном бюрократическом произволе, воспроизводя дефиниции, выработанные предшественниками [13, с. 21–23]. В. Г. Ревуненков, работавший в более поздний период, называет власть французских королей в XVIII в. абсолютной, т. е. неограниченной властью. Главной фигурой в провинциальном управлении называет королевских интендантов [14, с. 27–37].

Данные историками характеристики французского абсолютизма совпадают полностью и практически идентичны с концепцией французской монархии старого порядка, данной Н. И. Кареевым, перенося термин «самодержавие» из русского контекста в эпоху дореволюционной Франции. Фактически сводят к знаменитому высказыванию «Государство – это я».

Если вернуться к изложенному в начале тезису П. Нора об истории-науке и об исторической памяти, подобное канонизированное историографией представление о французском абсолютизме относится скорее к феномену коллективной памяти, чем к собственно научным знаниям.

Во второй половине 1980-х гг. в советской историографии смягчается идеологический диктат, политическая ангажированность сюжетов и тем, что делает возможным возвращение термина «старый порядок», формирование нового проблемного поля.

Н. Е. Копосов пытается проанализировать абсолютную монархию во Франции с позиций политической истории «длительной протяженности», т. е. долгосрочной трансформации политических структур во взаимозависимости с эволюцией структур экономики, общества, культуры. Автор дает описание основных государственных учреждений абсолютной монархии и форм участия подданных в управлении, делает вывод о том, что французская абсолютная монархия являлась этапом длительного процесса

«роста» государства, т. е. отчуждения государства от общества, развития процесса централизации и формирования аппарата управления, усиления воздействия государства на общество. Исследователь формулирует тезис наличия границ власти короля, которая не являлась абсолютной [15].

Н. Е. Копосов берется за новый в советской историографии сюжет – изучение политических элит, и прежде всего властной элиты [16]. Историк исследует высшую бюрократию во Франции (членов королевского совета) как социальную группу – формирование, эволюция, структура, основные социологические параметры и экономические характеристики, правовой статус.

На изломе советской эпохи выходит исследование В. Н. Малова [17], представителя старшего поколения советских историков. В работе историка на основе марксистского дискурса изложена концепция формирования французского абсолютизма. С позиций новых подходов впервые в советской историографии написана биография Ж.-Б. Кольбера, министра финансов и реформатора. В недрах французского административного аппарата появился человек, сделавший целью своей деятельности перестройку общества в интересах абсолютной монархии. Кольбертизм означал высшую фазу политики меркантилизма во Франции, став образцом для подражания многих правителей Европы. Деятельность реформатора соединяла активное промышленное строительство и стремление к гегемонии в мировой торговле. Характеризуя особенности психологии Кольбера как реформатора, автор отмечает здоровый оптимизм, чувство новых возможностей рациональной политики.

Принципиально иной дискурс французской абсолютной монархии демонстрирует исследование Е. М. Кожокина [18]. В показе королевской власти автор опирается на коллективное воображаемое. В сознании людей королевская власть покоилась на трех «китах»: религиозной, феодальной и римско-правовой. В основе королевской власти лежит много мистического, не поддающегося рациональному осмыслению.

Таким образом, в условиях смены парадигм европейский абсолютизм в советской историографии превратился в самостоятельный сюжет, перестав быть фоном и предтечей для буржуазных революций.

Список использованных источников

1. Франция-память / П. Нора [и др.]; под общ. ред. П. Нора. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. – 328 с.
2. *Кондратьев, С. В.* Б. Ф. Поршнев – интерпретатор французского абсолютизма / С. В. Кондратьев, Т. Н. Кондратьева // Французский ежегодник 2005. – М.: ИВИ РАН, 2005. – С. 72–89.
3. *Сталин, И.* Замечания о конспекте учебника «Новой истории» / И. Сталин, С. Киров, А. Жданов // На фронте исторической науки. – М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. – С. 11–13.

4. *Поршнев, Б. Ф.* Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648) / Б. Ф. Поршнев. – М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948. – 724 с.
5. *Вите, О. Т.* Борис Федорович Поршнев (1905–1972) / О. Т. Вите, А. В. Гордон // НиНИ. – 2006. – № 1. – С. 181–200.
6. *Поршнев, Б. Ф.* Чем было «третье сословие» во Франции XVII века? / Б. Ф. Поршнев // Историк-марксист. – 1940. – Кн. 2. – С. 91–113.
7. *Поршнев, Б. Ф.* Проблема Фронды / Б. Ф. Поршнев // Историк-марксист. – 1941. – Кн. 5. – С. 96–105.
8. *Москаленко, А.* Обсуждение статей Б. Ф. Поршнева / А. Москаленко // Вопросы истории. – 1951. – № 6. – С. 138–143.
9. *Сказкин, С. Д.* Проблема абсолютизма в Западной Европе / С. Д. Сказкин // Из истории средневековой Европы / Московский гос. ун-т; под ред. С. Д. Сказкина. – М., 1957. – С. 5–18.
10. *Бирюкович, В. В.* Исторический очерк / В. В. Бирюкович, О. Л. Вайнштейн // Франция и ее владения: справочник / Ф. Н. Петров [и др.]. – М.: Советская энциклопедия Огиз, 1948. – С. 99–184.
11. *Люблинская, А. Д.* Франция в начале XVII века (1610–1620) / А. Д. Люблинская. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1959. – 294 с.
12. *Люблинская, А. Д.* Французский абсолютизм в первой трети XVII в. / А. Д. Люблинская. – М.-Л.: Наука, 1965. – 361 с.
13. *Манфред, А. З.* Великая французская буржуазная революция / А. З. Манфред // Великая французская революция / отв. ред. В. М. Далин. – М.: Наука, 1983. – С. 13–209.
14. *Ревуненков, В. Г.* Очерки по истории Великой французской революции. 1789–1799 / В. Г. Ревуненков. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. – 536 с.
15. *Копосов, Н. Е.* Абсолютная монархия во Франции / Н. Е. Копосов // Вопросы истории. – 1989. – № 1. – С. 42–55.
16. *Копосов, Н. Е.* Высшая бюрократия во Франции XVII века / Н. Е. Копосов. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. – 248 с.
17. *Малов, В. Н.* Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество / В. Н. Малов. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
18. *Кожокин, Е. М.* Государство и народ / Е. М. Кожокин. – М.: Наука, 1989. – 176 с.

(Дата подачи: 19.02.2020 г.)